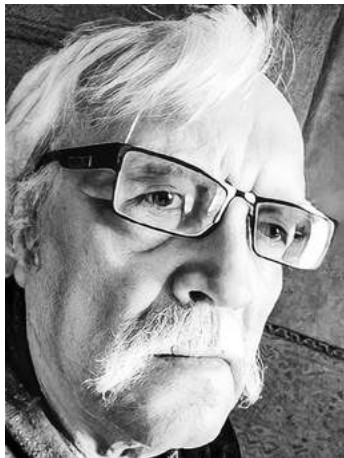

Николай Байбуза

Родился в 1946 году в Барнауле.
Первые стихи опубликовал в краевой газете «Молодежь Алтая». В конце 1980-х переехал в г. Саратов, где прожил двадцать пять лет, там же вступил в Союз писателей России. Десять лет руководил областной поэтической студией «Азь». Издал пять книг стихотворений на Алтае, в Поволжье и Москве. Живет в Подмоскovie.

Рождество

Георгию Блинову

Был мальчик лет семи, был бедненько одет,
Пел мальчик тенорком, пел басом статный дед.
Ходили по домам и славили Христа,
Слова любви вросли в безбожные места.

Не смёрзлись, а слились в живой высокий слог
Роскошный дедов бас и внуков тенорок.
Хрустело Рождество снегами на дворе,
И лютовал мороз, как должно в январе.

Не уставали петь — ходили стар и мал,
За это белый пар им ноги обнимал.
А ведь могли пропасть — ещё безбожна власть,
Ещё не раз, не два — на снег синицам пасть...

...И псам сторожевым ещё хватает дел...
А всё же в День Христа мир — нехотя — добрел...

Зимний отпуск

Владимиру Соковикову

В общий вагон,
в жёсткий вагон
Юг подтолкнул,
и об перрон хрястнул арбуз под ноги мне.
Там, за Уралом,
снегом забит мой Барнаул.
И без даров рады мне там будут вполне.

Поезд стучит:

— Ты и не ждан, ты и не зван.

Кто ты такой? Кто ты такой? Ты без даров!

Дед — мой сосед — мне протянул полный стакан:

— Ты — сибиряк, я — сибиряк,

будь же здоров!

Поезд стучит:

— Вам в Магадан! — тосту вдогон.

— Что-то у власти, — дед говорит, — сбился прицел.

Ты не торгаш?

— Дед, да ты что?

Общий вагон.

Где-то в Москве, в тусклом Кремле Ельцин храпел.

— Восемь атак. За день всего.

Слышишь, сынок?

Там, подо Ржевом...

Ну, а теперь, кто я такой?

— Вы бы потише, — наш проводник хмуро изрёк.

— Шёл бы ты, а! Вымой стакан, слышишь, герой?

Поезд стучит: «Где Вечный Жид? Где Вечный Жид?»

Мысли черны, словно к родне прошусь на постой.
Верная сука, Найда, «кавказка», мелко дрожит.
Найда, не бойся, шапкой не станет мех твой густой.
Шапки не шью, да и корон не золочу.
Книги люблю, с громом квадриг, с хрустом ковриг.
Рано родне в память мою ставить свечу —
слышно ещё и волчий вой, и птичий крик.
Не за дары в чёрные дни ворон орёт.
Не за дары я за Урал гнал поезда.
Шапку об пол: «Здравствуй, родня!
Вот он я, вот!»
Жиром заплыть в тёплых краях, много ль труда?
Что же, встречай горькой усмешкой сына, отец.

Авель в горах, Каин в песках — нам не родня.

Не научился шкуры снимать с глупых овец.
Ставить капканы, петли вязать — не для меня.
Где же мой ковш с мёртвой водой или живой?
Мёртвой напьюсь, если живой нет про запас.
Мама, не плачь, не обогреть землю слезой.
Это — по мне, это — до дна, это — как раз.

...Мало домов среди домов,
где не хрипят —
я не стесню, я на земле не навсегда.
Мало людей среди людей,
где не велят
в ночь уходить —
снег повалил — и ни следа...

Из школьной тетради

Прощай, моя молодость.
Всё, я истратил тебя.
От точных наук,
от школьных моралей уволь.
Ножами окраина щерится, темень деля.
И резкая боль перешла в постоянную боль.
Прощай же, сквозняк,
листающий классный журнал!
и вы, мудрецы, наездники добрых сердец!
Что будет со мной —
мне правду никто не сказал.
Я выплюнул зубы
и спрятал в кулак леденец.
Штатается ветер,
слепые тряся фонари.
Мне поздно учиться
быть хватким, удачливым, злым.
Я буду хорошим,
прошу, педагог, не ори.
Я буду любить,
если даже не буду любим.

Голос из детства

— Сынок, рубашку не порви!
Сынок, да ты же весь в крови!
В чём ты пойдёшь на именины?
А сын уткнулся ей в плечо —
на белом красное, ещё
не кровь пока,
а сок малины.

Песня стремениго

Юрию Жуку

Что он сделал со мной, зараза,
почему запел без приказа,
душу вывернул — и на крюк!
Я ж привык к городскому бетону,
слышу лишь воробья да ворону,
вижу псов-медалистов да сук...

«Эх, десница моя перебита,
без меня косит тятенька жито,
я ему подмочь не могу.
Не нужна безрукавна обнова,
дайте мне мово вороного
прогулять его в поводу.

Ох, чиста в кринице водица,
напоить коня из криницы
я смогу и левой рукой.
Ах, сестрица моя, сестрица,
ах, негоже на брата сердиться,
вороного попоной укрой.

Коли колос тяжельше патрона
и граница не шире погона,
и ковыль не достал до стремян —
само время до хаты вертаться,
с родной матушкой навидаться,
где слова про любовь не обман...»

Так он пел — и пахарь, и воин.
С песней воли я сладить не волен,
я запомнил широкий лампас.
Так он пел, и певучая сила
то давила, то возносила
до того, что осталось от нас.

Не суди меня, Родина, строго,
что опять веду до порога
не коня, а беду в поводу.
Песня — воля, песня казачья,
песня — лихо, песня — удача
то на дыме, то на меду.

Помоги нам, Господь, сохраниться,
где проходит наша граница
между сердцем и пятернёй.
Стремя памяти не почернело.
Не серчай, что помог неумело
песне-воле, спасённой тобой.

...А казак
улыбнулся устало
и нарезал тонюсенько сало —
нам женьшеневка нынче не всласть.
Казачков — наших братьев — помянем,
где над хрюканьем сытым кабаньим
расцветает тигриная пасть...

Актёр

Работа у него — не корм давать в корыте,
а наливать в бокал и стерву звать в постель...
В гримёрке у него портретик Нефертити,
живёт, где окна бьют и двери рвут с петель.

Пусть критики шипят, перевирая имя,
не лгали — ни Мольер, ни арфа, ни гобой...
Не волей, не хребтом, а чувствами святыми
он поднимал себя и поднимал собой.

Но улыбался бас из оркестровой ямы,
и маргинал поэт дарил в альбом стишок.
А в том стихке, увы, не пушкинские ямбы.
Окончится спектакль, останется ожог.

И грамотку дадут по факту юбилея,
но даже подшофе друзьям не скажет он,
что снился белый конь — степных снегов белее.
Наденет чёрный фрак и выйдет на поклон.

Не вечны силы гнуть и для искусства спину
и подбирать цветы со сцены до седин.
Но дали свет в партер, он глянул в середину —
там ели шоколад, но был в слезах один.

У него острый взгляд,
острый слух.
И стишков
больше моха и мух.
Понатыкал слово «Русь»
по стихкам,
замелькал мотыльком
тут и там.
Он уверенно острит
невпопад,
пострадал от КГБ,
говорят.
Прокатился по жизни
нулём
и остался со злобой
вдвоём.
Не держал в руках
ни лома, ни вил...
Жаждой славы сам себя
удавил.